

© Ромашкина Н.П., Растольцев С.В.
Romashkina N., Rastoltsev S.

**НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В ЕВРОПЕ И РОЛЬ РОССИИ В ИХ УРЕГУЛИРОВАНИИ
(на примере Приднестровского и Нагорно-Карабахского конфликтов)**

**UNRESOLVED CONFLICTS ON THE POST-SOVIET SPACE IN EUROPE
AND THE ROLE OF RUSSIA IN THE SETTLEMENT
(Transnistrian and Nagorno Karabakh conflicts cases)**

Аннотация. Анализ дискуссии о терминологии, используемой для описания феномена неурегулированных конфликтов в Европе, в частности, на постсоветском пространстве, разные подходы к определению таких конфликтов – «замороженные» и «затяжные». На примере анализа особенностей трудноразрешимых конфликтов на постсоветском пространстве приводятся аргументы в пользу термина «затяжные», так как он обладает рядом преимуществ: нейтральностью, универсальностью, научной и теоретической обоснованностью и широкой распространенностью в международных организациях. Для оценки роли России используется теория региональных комплексов безопасности, которая позволяет систематически оценить российскую политику урегулирования конфликтов на разных уровнях безопасности.

Annotation. The article analyzes the discussion about the terminology used to describe the phenomenon of unresolved conflicts in Europe, particularly in the post-Soviet space, different approaches to define this type of conflict, mainly two definitions – “frozen” and “protracted” conflicts. To achieve a balanced approach to assessing the role of Russia is proposed to use the theory of regional security complexes, which allows you to systematically assess the Russian policy of conflict resolution at different security levels.

Ключевые слова. Терминология конфликтов, урегулирование конфликтов, «замороженный» конфликт, «затяжной» конфликт, Нагорно-Карабахский конфликт, Приднестровский конфликт, Грузино-осетинский конфликт, Грузино-абхазский конфликт.

Key words. Terminology of conflicts, conflict resolution, “frozen” conflict, “protracted” conflict, Nagorno-Karabakh conflict, Transnistria Conflict, Georgian-Ossetian Conflict, Georgian-Abkhaz Conflict, 2008.

Неурегулированные конфликты в Европе являются одним из главных вызовов региональной и международной безопасности. Особенную обеспокоенность для России вызывает ситуация на постсоветском пространстве. Хотя в последнее время основное внимание уделялось кризису на Юго-Востоке Украины, существует несколько очагов конфронтации, которые не удаётся потушить на протяжении более двух десятилетий. К ним относятся, например, Приднестровский и Нагорно-Карабахский. Недавняя эскалация ситуации вокруг Нагорного Карабаха в апреле 2016 г. вновь напомнила об акту-

альности проблемы неурегулированных конфликтов.¹

Вопрос о том, как найти подходящий способ разрешения таких конфликтов, составляет дилемму не только в практическом, но и в теоретическом, научном плане. Феномен длительной неурегулированности побуждает ученых искать специальную терминологию для описания их специфики. Проблема состоит в том, что выбор определения влияет на то, каким образом в дальнейшем будут оцениваться такие конфликты и их особенности: причины возникновения, характер, современное состояние, а также – что наиболее важно – как их следует разрешать.

¹Еще не война: каковы причины и последствия обострения ситуации в Карабахе // РосБизнесКонсалтинг. 3 апреля 2016. URL: <http://www.rbc.ru/politics/03/04/2016/570117019a79472995c93cf6>.

Ромашкина Наталья Петровна – кандидат политических наук, руководитель подразделения проблем информационной безопасности, ЦМБ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова e-mail: Romashkina@yandex.ru;
Растольцев Сергей Владимирович – младший научный сотрудник, ЦМБ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

Romashkina Natalia – candidate of Political Sciences, head of information security issues, TSMB IMEMO them E.M. Primakov, e-mail: Romashkina@yandex.ru;
Rastoltsev Sergey – junior researcher, IMEMO TSMB them E.M. Primakov.

Дискуссия о терминологии продолжается, поскольку существует несколько подходов к описанию неурегулированных конфликтов, которые формируют разные парадигмы. Для описания феномена неурегулированных конфликтов было предложено много разных определений: «трудноразрешимые», «глубоко укоренившиеся», «самоподдерживающиеся», «затяжные», «замороженные» [1]. В отношении конфликтов на постсоветском пространстве, как правило, употребляются последние два термина, причем определение «замороженные» до недавнего времени преобладало и в СМИ, и в научных исследованиях, особенно в России. В то же время понятие «замороженные конфликты» вызывает критику. Под сомнение ставится не только лингвистическая, но и научная обоснованность его использования. Цель данной работы – критически оценить определение «замороженные конфликты», выявив его недостатки, и предложить альтернативу в виде понятия «затяжные конфликты» с обоснованием его предпочтительности.

«Замороженные конфликты»: возникновение и анализ понятия

Термин «замороженные конфликты» (“frozen conflicts”) впервые стал употребляться в 1990-х гг. на Западе, главным образом, применительно к описанию конфликтов на постсоветском пространстве. Некоторые наблюдатели метафорически связывают появление определения «замороженные» с «ледяным ветром», оставшимся после «холодной войны», который продолжает «дуть» над конфликтами. В этом контексте «замороженные» конфликты рассматриваются как результат «войны за советское наследие» [2]. Сформировалось представление, что эти конфликты появились не столько вследствие конфронтации на внутреннем уровне, сколько стали результатом политики России, которая, стремясь сохранить свое геополитическое влияние, оказалась заинтересованной в «заморозке» и манипулировании конфликтными статусом-кво [3].

При этом определение конфликтов как «замороженных» получило широкое распространение и в России. В документах российского МИД в середине 2000-х гг. также нашел отражение тезис о том, что конфликты такого рода в частности, Грузино-осетинский и Грузино-

абхазский, подвержены влиянию внешних «внерегionalных» сил, которые пытаются использовать их «замороженный» статус в своих интересах, чтобы укрепить свое влияние в регионе в ущерб российским позициям и вытеснить Россию из процесса мирного урегулирования¹. Попытка «разморозки» этих кризисов извне привела к резкому обострению российско-грузинских отношений и открытому вооруженному конфликту в августе 2008 г., что, с точки зрения Москвы, стало проверкой на прочность для российской власти и миротворцев².

Однако Грузино-Абхазский и Грузино-Осетинский конфликты поставили вопрос об употреблении этого понятия. Тогда за короткий период времени относительно стабильное «замороженное» состояние внезапно сменилось открытым вооруженным противостоянием, жертвами которого стали десятки военных и сотни мирных жителей. В результате пришло осознание, что достигнутое шаткое состояние перемирия может быть прервано в любой момент, а конфронтация из скрытой и «замороженной» может легко перейти в фазу открытых «горячих» действий.

После трагических событий на Кавказе 2008 г. определение «замороженных» конфликтов подверглось растущей критике. Некоторые эксперты обратили внимание на то, что ситуация в очагах конфронтации была «заморожена» только для внешних наблюдателей, а конфликты в Южной Осетии и Абхазии начали «размораживаться» задолго до августа 2008 г. [4]. В свою очередь периодические рецидивы насилия в Нагорном Карабахе в середине 2000-х гг. свидетельствовали о том, что «сам конфликт продолжался» [5].

Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в 2004 г. утверждал, что конфликты в Грузии «не заморожены», и главная задача состоит в том, чтобы предотвратить их переход в горячую фазу³.

Таким образом, закрепление термина «замороженные конфликты» в лексиконе сопровождалось созданием дискурса, который отражал установки в отношении ситуации, характерной для предыдущей системы международных отношений. События на Кавказе 2008 г. позволили начать его полноценную ревизию, а продолжающиеся вспышки насилия в Нагорном Карабахе в последние несколько лет поддерживают дальнейшую необходи-

¹Об одобрении Президентом России В.В. Путиным Обзора внешней политики Российской Федерации. 31.03.2007. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/sps/690A2BAF968B1FA4C32572B100304A6E.

²С.В. Лавров. Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации. 29.12.2008. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/itogi/BB6FDBCB9CE863B2C325752E0033D0F9.

³Стенограмма выступления министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с председателем парламента Грузии Н.А. Бурджанадзе (Москва, 1 ноября 2004 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/456686.

мость пересмотра терминологии.

Критическая оценка позволяет выделить несколько основных стереотипов, которые поддерживает употребление термина «замороженные конфликты» и наметить пути их преодоления.

Во-первых, понятие «замороженности» предполагает неизменность ситуации. Может показаться, что после прекращения огня обстановка в конфликтных регионах остается неизменной, как будто бы кто-то нажал кнопку паузы на пульте дистанционного управления. В действительности никакие международные и геополитические процессы не могут оставаться неизменными. Ситуация в очагах напряженности постоянно меняется как на внутреннем, так и на внешнем уровне. Практически все участники урегулирования реализуют собственные интересы в этом процессе и пытаются повлиять на него в свою пользу. Поскольку статус-кво в «замороженных» конфликтах представляет собой хрупкий баланс между миром и войной, который может быстро нарушиться и перерасти в вооруженное противостояние, некоторых участников не устраивает такое нестабильное положение, и они стремятся его изменить. Бесплодные переговоры, затянувшиеся на многие годы, снижают мотивацию и веру участников в положительные изменения. Это ведет к возрождению реваншистских настроений у сторон конфликта, когда возникает стремление к пересмотру статус-кво. Желание изменить ситуацию силовым путем, например, проявляется в Нагорно-Карабахском конфликте. Вооруженные столкновения вдоль линии соприкосновения фиксируются еще с 1990-х гг., а в последние годы счет жертв идет на десятки человек с обеих сторон каждый год. Только в 2015 г. жертвами таких стычек стали более 50 человек¹, а за несколько дней в начале апреля 2016 г. по официальной статистике погибло около 75 военнослужащих² (по неофициальным данным счет может идти на сотни погибших³).

Еще более опасно, что некоторые участники конфликта находят такое подвешенное и потенциально взрывоопасное состояние выгодным для себя. Манипулируя угрозой возобновления войны, зарабатываются политические очки и привлекаются дополнительное финансирование с внешней стороны. Однако все стороны чувствуют разочарованность в неопределенном статус-кво, понимая, что он может внезапно измениться, при-

чем в непредсказуемом направлении. Существует высокая вероятность, что обстановка может вновь обостриться и перерасти в вооруженное противостояние.

Во-вторых, состояние «замороженности» формирует пассивное отношение к возможности сколь угодно долго ожидать, пока ситуация «разморозится» и решение возникнет само по себе. При этом «замороженные» конфликты представляют реальную опасность даже в таком виде, когда нет «ни мира, ни войны». Зачастую противоречия продолжают усугубляться, хотя и в скрытом виде, а впоследствии могут проявиться и спровоцировать новое противостояние.

Понятие «замороженности» питает стереотипы о том, что неподконтрольные территории являются неотъемлемой частью центрального государства, а значит, их реинтеграция не составляет большого труда. В результате они ослабляют основы государственности, тогда как эти территории живут полностью самостоятельной жизнью, а некоторые из них уже признаны рядом стран в качестве независимых государств (Южная Осетия и Абхазия с 2008 г.). Идентичность населения конфликтных регионов постепенно меняется. С течением времени эти образования, как правило, становятся все более самостоятельными и формируют собственную идентичность. И чем больше времени проходит с момента «заморозки» конфликта, тем меньше чувства принадлежности к центру остается у их жителей. При отсутствии адекватных, решительных и согласованных шагов по урегулированию (обеспечение прав населения, решение вопросов степени автономии территорий и развитие программ интеграции) время работает против мира. Если ситуация определяется как «замороженная», это означает, что такие изменения можно отложить.

В свою очередь практика показывает, что стремительная «разморозка» конфликта кардинально меняет ход событий. Так, эскалация ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. привела к вооруженному конфликту, за которым последовало признание этих регионов как независимых государств со стороны России и других государств. Кардинально изменилось и внутреннее, и внешнее отношение. Если для стран Запада они все еще являются «замороженными» конфликтами внутри единого грузинского государства, то с точки зрения России этой проблемы более не существует. Если произойдет эскала-

¹Nagorno-Karabakh. GlobalSecurity.org. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/war/nagorno-karabakh.htm>.

²В Карабахе объявили «период тишины» для поиска тел погибших // РосБизнесКонсалтинг: 8 апреля 2016. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/570777b29a794743f3b8f8d>.

³Четырехдневная война: почему в Карабахе перестали стрелять // РосБизнесКонсалтинг: 5 апреля 2016. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703d5019a794774f8ec6570>.

ция напряженности между Грузией и Южной Осетией / Абхазией, то Россия будет рассматривать ее как межгосударственный, а не внутригосударственный конфликт.

В-третьих, если конфликт «заморожен», то возникает иллюзия, что нет необходимости делать активные шаги по его разрешению. В момент активной фазы государства и международные организации, как правило, прилагают большие усилия, чтобы прекратить вооруженное насилие и остановить его эскалацию. Когда удается установить перемирие, появляется определенная удовлетворенность, что этих шагов достаточно, что сводит на нет стремление к дальнейшим мерам по постконфликтному восстановлению. По мере затягивания переговорного процесса из-за отсутствия должных усилий стороны начинают испытывать все большую «усталость» от переговоров, «рутинизация» урегулирования. Например, в истории Приднестровского конфликта можно выделить, по меньшей мере, шесть отвергнутых всеобъемлющих проектов урегулирования [6]. После провала нескольких планов решения конфликта стороны испытали настолько глубокое чувство разочарования и отчуждения друг от друга, что переговорный процесс в официальном формате зашел в тупик и был прерван на пять лет с 2006 по 2011 гг. Возобновить его удалось только благодаря усилиям внешних посредников.

При таком развитии событий стороны конфликта и посредники страдают от нехватки доверия и слаженных решений, что работает на углубление раскола. Кроме того, взаимная пропаганда может отдалять стороны друг от друга. Центральные правительства стараются изолировать сепаратистские регионы, полагая, что такая политика поможет им ослабить неподконтрольное руководство и послужит распаду непризнанных государств. В действительности это работает ровно наоборот: изоляция со стороны центра укрепляет легитимность непризнанных регионов и придает их решениям большую легитимность. Поэтому центральным правительствам и посредникам необходимо избрать подход, направленный на интеграцию конфликтных регионов. Это предполагает активные усилия по созданию конструктивных связей с их руководством и населением, формирующие взаимозависимость, на основе которой можно прийти к компромиссу. Степень интеграции в «замороженных» конфликтах (за исключением, вероятно, Приднестровского, где стороны сумели создать в некоторых сферах определенную взаимозависимость, например, торговля, транспорт, энергетика [7]), остается чрезвы-

чайно низкой, если не отрицательной, как в случае с Нагорным Карабахом, где все отношения прерваны и до сих пор продолжаются вооруженные инциденты.

С начала 1990-х гг. РФ – правопреемник СССР – играет важнейшую роль в переговорном процессе по урегулированию «замороженных» конфликтов и приняла на себя ответственность в их разрешении. Поэтому изоляция России в процессе урегулирования на основании того, что ее интересы расходятся с позицией других акторов, ведет к драматическим последствиям, как это было в случае с Южной Осетией и Абхазией. Показательно, что соглашения о перемирии были заключены при лидирующем участии России в качестве посредника и стороны переговоров. Так, например, соглашение о прекращении огня в Приднестровском конфликте в июле 1992 г. было подписано между руководством Российской Федерации и Республики Молдова в Москве, а не между Кишиневом и Тирасполем¹. Несмотря на обвинения некоторых западных экспертов в том, что Москва, манипулируя проблемой Приднестровья, всячески пытается подорвать независимость Молдавии [8], Россия придерживается четкой позиции по сохранению территориальной целостности и суверенности единого молдавского государства [9]. РФ финансово поддерживает Приднестровье как автономный субъект, так как в настоящее время там проживает около 200 тыс. российских граждан.

Роль в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, который начался в конце 1980-х гг., была решающей при советском руководстве, а в дальнейшем ключевая роль России как посредника сохранилась. В середине 1990-х гг., когда удалось остановить боевые действия и сформировать главный институт дальнейшего урегулирования в формате Минской группы ОБСЕ, РФ стала одним из трех сопредседателей наряду с Францией и США. Политика России направлена на поддержание баланса между посредниками и сторонами конфликта. Москва поддерживает Ереван как союзника по ОДКБ и Евразийскому экономическому союзу и в то же время развивает экономические связи с Баку. Российские вооружения покупают Армения и Азербайджан, что позволяет удерживать военный паритет между сторонами².

В Южной Осетии и Абхазии, которые остаются для западных стран «замороженными» конфликтами, Россия является единственным приемлемым гарантом безопасности, поскольку эти страны не доверяют другим

¹Соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы» // Российский миротворец. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=pages&action=view&id=89>.

²Россия заявила об учете интересов Армении при продаже оружия в Азербайджан // «Лента.Ру». 18 июня 2015. URL: http://lenta.ru/news/2015/06/18/arm_azerbaijan/.

посредническими организациями, таким, как наблюдательные миссии ЕС и ООН в Грузии и вместе с Россией рассматривают их мандат как относящийся только к грузинской территории¹.

Конфликт на Юго-Востоке Украины следует рассматривать особо. Хотя он имеет схожие черты с другими «замороженными» конфликтами, по некоторым критериям – недавней истории, причинам возникновения и характеру противостояния – он не может быть причислен к классическим конфликтам такого рода, возникшим четверть века назад. О том, что «замораживание» украинского кризиса еще не завершено, свидетельствуют продолжающиеся вспышки напряженности в регионе, а также дискуссия о том, является ли «заморозка» конфликта подходящим сценарием развития событий² или же, напротив, ее всячески необходимо предотвратить³. Вместе с тем, очевидно, что в урегулировании ситуации на Юго-Востоке Украины Россия играет ключевую роль..

В целом российские интересы в урегулировании «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве отражают необходимость поддержки сложившихся культурно-исторических связей, а также защиты геополитических и экономических интересов нашей страны в «ближнем зарубежье». РФ во многом занимает консервативную позицию по «замороженным» конфликтам, поскольку это дает ей возможность сохранять контроль над нестабильной ситуацией и уравновешивать экспансию евроатлантических интеграционных структур. В современных условиях конфронтации «замороженные» конфликты становятся заложником разногласий между Россией и Западом, что отдаляет перспективы их урегулирования [10]. Поэтому западным странам следует не только поощрять диалог между сторонами конфликта, но и приложить максимум усилий, чтобы вместе с Россией находить многосторонние и взаимоприемлемые решения.

«Затяжные конфликты»: обоснованная альтернатива «замороженным»

Анализ термина «замороженные конфликты» свидетельствует, что он обладает рядом существенных недостатков и целесообразно найти ему альтернативу. Среди предлагаемых вариантов более логично использовать

термин «затяжные конфликты». Можно назвать, по меньшей мере, четыре аргумента, почему использование этого термина является предпочтительным.

Во-первых, это более уместно с лингвистической точки зрения. Понятие «замороженные» вызывает отрицательные коннотации уже на семантическом уровне. Так, в словарях по конфликтологии «замораживание конфликта» трактуется как отсрочка при сохранении ключевых противоречий между участниками [11] либо как один из «консервативных методов управления конфликтом», когда оппоненты вынуждены на время прекратить противостояние, не отказываясь при этом от своих претензий друг к другу [12]. Кроме того, этот термин предполагает статичность и даже стабильность состояния. В результате «замороженные конфликты» предстают как устаревшие, созданные извне и неизменные, что не соответствует действительности.

Термин «затяжные конфликты» является более нейтральным, отражающим продолжение конфронтации между сторонами, глубинные причины ее возникновения на внутреннем уровне, а также динамику развития ситуации и возможность ее изменения.

Во-вторых, в отличие от термина «замороженные конфликты», определение «затяжные» имеет научное обоснование в конфликтологии и вошло в научный оборот. Термин «затяжные конфликты» был разработан после окончания Второй мировой войны именно для того, чтобы объяснить феномен длительных и трудноразрешимых конфликтов. Ключевым автором является Эдвард Азар, который в 1950 – 70-е гг. составил обширную базу таких конфликтов и стал применять термин «затяжные социальные конфликты» (англ. “protracted social conflicts”). По его мнению, причиной такого рода конфликтов является «длительная и зачастую ожесточенная борьба общественных групп за такие базовые потребности, как безопасность, признание и принятие (“recognition and acceptance”), справедливый доступ к политическим институтам и участию в экономической деятельности». При этом ответственность по обеспечению базовых человеческих потребностей несет на себе государство, которое в равной степени должно удовлетворять нужды как большинства, так и меньшинства [13]. Государство должно постоянно развиваться, в

¹Россия заявила об учете интересов Армении при продаже оружия в Азербайджан // «Лента.Ру». 18 июня 2015. URL: http://lenta.ru/news/2015/06/18/arm_azerbaijan/.

²Депутат Бундестага: «Замороженный конфликт» в Донбассе – лучший сценарий // MIGnews.com.ua. 17.05.2015. URL: <http://mignews.com.ua/politics/inworld/5657924.html>.

³Глава МИД Украины: конфликт в Донбассе не может быть заморожен // МИА «Россия сегодня». 06.08.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150122/1043674696.html>.

то время как отставание в развитии ведет к конфликтам. Развивая концепцию Э. Азара, Джон Бертон отмечает, что «затяжные» конфликты могут быть урегулированы, если удастся найти решение, которое будет приемлемо для всех сторон и обеспечивать человеческие потребности, что является основанием для прочного мира [14].

Таким образом, в отличие от термина «замороженные конфликты», исследование «затяжных конфликтов» составляет отдельное научное направление в конфликтологии. В его рамках разработаны обоснование и структурированное определение, предложены конкретные и связанные шаги по урегулированию такого рода конфликтов. Основной проблемой пока остается то, что термин «затяжные конфликты» не получил достаточно широкого распространения в публицистике и науке. Отчасти это происходит потому, что научные направления оперируют разной терминологией.

В-третьих, понятие «затяжные конфликты» является более универсальным. Если термин «замороженные конфликты», главным образом, применяется к описанию событий на постсоветском пространстве, то понятие «затяжные конфликты» применяется для описания неурегулированных длительного времени конфликтов по всему миру – в Шри-Ланке, Северной Ирландии, Ливане и т.д. Это дает возможность включить конфликты на постсоветском пространстве в общее проблемное поле и рассматривать их в более широком контексте, выявляя специфические и схожие черты в общей парадигме современных конфликтов.

Наконец, в-четвертых. Международные организации по безопасности в Европе не используют термин «замороженные конфликты», предпочитая ему «затяжные», которое закрепилось в документах Европейского союза и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)¹ и в аналитике [15]. Поэтому, в отличие от понятия «замороженные», термин «затяжные» более целесообразно использовать для международного диалога по урегулированию подобных конфликтов.

Роль России в урегулировании «затяжных» конфликтов на постсоветском пространстве

(на примере Приднестровского и Нагорно-Карабахского конфликтов)

После распада СССР Россия логично стала рассматривать постсоветское пространство как «ближнее зарубежье» и зону своих привилегированных интересов [16, 17],

подчеркнув его особое геополитическое значение. Постсоветский регион является приоритетом в современной Концепции внешней политики РФ². Среди экспертов нет споров о том, что Россия играет особую роль в урегулировании такого рода конфликтов. Однако в вопросах о том, какова конкретно роль России в урегулировании, как она меняется и как она различается по отношению к разным конфликтам, мнения исследователей существенно расходятся. Многим работам научного характера не удалось избежать полярности в оценках роли России, которой изначально дается либо крайне отрицательная, либо сугубо положительная характеристика.

Целесообразно проанализировать существующие подходы к оценке роли России в урегулировании трудноразрешимых конфликтов на постсоветском пространстве и на основе анализа эволюции политики России по разрешению двух «затяжных конфликтов» (ЗК) – в Приднестровье и Нагорном Карабахе.

Роль России: преодолевая стереотипы

Оценивая роль России в урегулировании ЗК, многие эксперты изначально выступают с категорических позиций. Анализ работ, посвященных этой проблеме, показывает, что авторам не удается избежать полярных взглядов – они или полностью оправдывают действия России, или трактуют ее политику урегулирования как деструктивную.

В оценках действий России в урегулировании трудноразрешимых кризисов, где ее роль обозначается как негативная (т.е. не заинтересована в их решении), обычно используется определение «замороженные конфликты». Представляется, что это не случайно, поскольку само это определение несет в себе отрицательные коннотации. Определяя конфликты как «замороженные», предполагается, что какой-то субъект, настроенный консервативно – в данном случае Россия – стремится к тому, чтобы остановить развитие ситуации, возможно, даже повернуть время вспять в отношении каких-то объектов – в данном примере сопредельных территорий. При таком подходе российская политика в отношении конфликтов рассматривается в «неоимперской» парадигме, где манипулирование кризисами служит лишь средством для того, чтобы сохранить прежнее геополитическое влияние [3, 18].

Так, например, Владимир Соколов, ведущий научный сотрудник Джеймстаунского фонда ("Jamestown

¹ Statement of the OSCE CiO Special Representative on Protracted Conflicts Ambassador Bolat Nurgaliyev at the OSCE Permanent Council. Vienna, July 1, 2010. URL: <http://www.osce.org/cio/109313>.

² Концепция внешней политики Российской Федерации 2013. IV. Региональные приоритеты. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7E.

Foundation”) расценивает политическую парадигму России в отношении этих регионов как «контролируемую нестабильность». В это понятие включен целый набор негативных инструментов, с помощью которых Москва поддерживает эту парадигму: сохранение военного влияния, ослабление государств и состояния хаоса в конфликтных регионах, их отвлечение от проведения структурных реформ, а также противодействие развитию их связей с Западом [19]. Категоричную линию негативного восприятия роли России в урегулировании ЗК продолжают аналитики крупнейших западных СМИ. Некоторые из них утверждают, что Россия заинтересована в их существовании и специально поддерживает такого рода кризисы: России «нравятся замороженные конфликты», поскольку они ослабляют руководство бывших советских республик и дают возможность экономического вмешательства. Непризнанные государства в конфликтных регионах являются для Москвы «инструментами управляемой нестабильности», посредством которых Кремль может оказывать давление на постсоветские страны [20]. По мнению Геро фон Радова, эксперта немецкой газеты “Die Zeit”, Россия «собирает замороженные конфликты» на западной границе как потенциальные очаги напряженности, чтобы укрепить свой властный ресурс в отношениях со своими соседями и Западом [21]. «Главным мотивом российской политики в конфликтных регионах, в частности, в Приднестровье, остается стремление всеми возможными способами реализовать свои геополитические интересы» [22].

По мнению российского конфликтолога Андрея Большакова (Казанский университет), России выгодно «замороженное» состояние конфликтов на прилегающей территории, как, впрочем, и остальным крупным геополитическим акторам. Это позволяет сохранять относительную стабильность, в то время как «разморозка» таких опасных ситуаций может привести лишь к дестабилизации системы международных отношений в целом [23].

В связи с этим можно выделить три основных негативных стереотипа, касающихся роли России в урегулировании «затяжных конфликтов».

1. Ведущим мотивом России в политике относительно ЗК является сохранение влияния на постсоветском пространстве. Для этого Россия проводит политику

контролируемой нестабильности, поддерживая их в «замороженном» состоянии, которым можно манипулировать. Россия оказывает определяющее влияние на поведение конфликтующих сторон. «Ключи» от решения конфликта находятся в Москве.

2. Такие действия России сохраняются на протяжении всего периода урегулирования. Она всегда была заинтересована в том, чтобы не решать конфликты и таким образом поддерживать свое влияние.

3. Деятельность России в отношении всех ЗК примерно одинаковое. Везде она заинтересована в том, чтобы конфликты не были урегулированы.

Существует и противоположная точка зрения.. Так, еще в 2006 г. вице-премьер и в тот период министр обороны РФ С.Б. Иванов, заявлял, что Россия «не несет ответственности за замороженные конфликты на постсоветском пространстве», поскольку не она их создавала, а играет роль «гаранта урегулирования» между конфликтующими сторонами¹. МИД РФ неоднократно выступало с заявлениями, что заинтересовано в скорейшем урегулировании конфликтов в Приднестровье² и Нагорном Карабахе³.

Эксперты в разных областях, оценивая роль России в урегулировании Приднестровского, Нагорно-Карабахского конфликтов, отмечают ее постоянство и готовность следовать нормам международного права. Поскольку главным интересом для России является поддержание стабильности, Россия «обречена» продолжать активное миротворчество, поскольку главным интересом для нее является поддержание стабильности [24, 25].

Таким образом, существуют позитивные оценки роли России, которые работают в качестве контраргументов негативному подходу.

1. Главным интересом России в ЗК является поддержание стабильности и скорейшее урегулирование конфликтов. «Ключи» для урегулирования находятся у России.

2. Россия всегда заинтересована в скорейшем решении конфликтов. Мотивы ее политики сохраняются постоянно.

3. Россия во всех ЗК придерживается единого подхода, стремясь к их скорейшему разрешению.

¹ РФ не несет ответственности за конфликты на постсоветском пространстве // РИА Новости. 10.10.2006. URL: <http://ria.ru/politics/20061010/54692967.html>.

² Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос российских СМИ в связи с введением ЕС и США визовых ограничений в отношении руководства Приднестровья // МИД РФ. 1.03.03. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/530478/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_qrIndex=0.

³ Россия заинтересована в скорейшем урегулировании карабахского конфликта. Заявление Сергея Лаврова в Ереване // Panorama.am. 23/06/2014. URL: <http://www.panorama.am/ru/news/2014/06/23/s-lavrov/258066>

При этом оба подхода – «негативный» и «позитивный» – имеют недостатки. Негативный подход упускает из виду ряд периодов и действий, которые свидетельствуют об активных шагах России в сторону урегулирования, в том числе через сотрудничество с Западом. При этом к каждому из конфликтов Россия может использовать разные подходы. Позитивный подход не учитывает тот важный фактор, что у России как крупнейшего регионально- и глобального игрока существуют долгосрочные интересы, которые существенно ограничивают пространство маневра. Эти интересы включают защиту интересов российских граждан, проживающих в конфликтных регионах, сохранение военно-политического влияния в соседних регионах и поддержание геополитического баланса с другими крупными державами.

Для объективной оценки роли России в урегулировании «затяжных конфликтов» целесообразно исходить из гипотезы: главным мотивом России в урегулировании «затяжных конфликтов» является поддержание баланса, причем на всех уровнях – от локального до общеевропейского. Относительно стереотипов логично взять за основы следующие утверждения:

1) деятельность России менялась: были периоды, когда она проявляла большой интерес к урегулированию и делала практические шаги в этом направлении, но были этапы, когда Россия не стремилась к разрешению конфликтов;

2) политика России в разных ЗП отличается в зависимости от отношений со сторонами конфликта, текущих геополитических установок и действий других крупных региональных игроков.

В качестве теоретической основы будем использовать теорию региональных комплексов безопасности (РКБ), разработанную на рубеже 1990-х – 2000-х гг. Барри Бузаном и Оле Вейвером в рамках Копенгагенской школы безопасности. Теория РКБ призвана объяснить, каким образом формируются и воспринимаются угрозы безопасности в глобальном масштабе. Авторы полагают, что основной для восприятия безопасности выступают региональные объединения – комплексы безопасности, которые формируются вокруг общего понимания безопасности и угроз [26]. С их точки зрения в Европе после окончания «холодной войны» начали складываться два комплекса безопасности – Европейский и Постсоветский вокруг обновленных Европейского союза и России соответственно [26]. Это разделение Европы на два комплекса сохраняется и сегодня, но при этом с точки зрения актуальной ситуации их правильнее обозначить как Евроатлантический (с основной в лице ЕС и НАТО) и Ев-

разийский (с основной в лице России и Евразийского экономического союза и ОДКБ). Таким образом, основная динамика безопасности в Европе в настоящее время обусловлена развитием интеграционных процессов в этих комплексах и отношениями между ними – Б. Бузан и О. Вейвер называют их межрегиональным уровнем. Основная проблема безопасности XXI века – обостряющаяся конкуренция между этими комплексами за те страны, которые пока не входят в их состав. Сюда как раз относится большая часть стран постсоветского пространства (за исключением Прибалтики, которая входит в Евроатлантический РКБ), включая те, в которых продолжают «затяжные» конфликты. Поскольку они находятся в «серой зоне» между двумя комплексами, их угроза возникает не только на внутреннем уровне безопасности, но и проявляется на более высоких уровнях, особенно в межрегиональном измерении.

В соответствии с теорией РКБ определяющим мотивом для поведения России в отношении ЗК является поведение соседнего Евроатлантического комплекса. В их взаимодействии сочетаются периоды и конфронтации, и сотрудничества. Основные этапы: 1990-е – начало 2000-х гг.: ведущая роль России, отсутствие конкуренции и настрой на сотрудничество с Евроатлантикой; середина – конец 2000-х гг.: усиление влияния евроатлантических структур в регионе и рост обеспокоенности России; конец 2000-х – настоящее время: обострение конкуренции, интенсификация проектов Восточного партнерства ЕС и евразийской интеграции, поиск баланса в новых условиях.

Усиление конфронтации между двумя комплексами зависит от уровня интереса евроатлантических структур к конкретной стране постсоветского пространства и от уровня ее готовности к интеграции.

Так, в Молдавии процесс евроинтеграции со временем стал носить ярко выраженный характер, что привело к проявлению приднестровской проблемы на межрегиональном уровне. Армения и Азербайджан не проявляют большого интереса к евроинтеграции, и процессы европеизации здесь слабы, поэтому Россия проявляет большую гибкость в отношении своих западных партнеров в процессе урегулирования.

С точки зрения теории РКБ выделяется четыре уровня безопасности. Применительно к ЗК в Приднестровье и Нагорном Карабахе картина выглядит следующим образом:

1) локальный уровень: отношения внутри конфликтных регионов (например, между Республикой Молдова (РМ) и Приднестровьем);

2) межгосударственный / региональный уровень: отношения между соседними странами, в данном случае с теми, которые переживают конфликт, и Россией (например, между Россией и Приднестровьем);

3) межрегиональный уровень: отношения между двумя комплексами безопасности и/или их системообразующими акторами (между Россией как основой Евразийского комплекса и ЕС как основой Евроатлантического комплекса безопасности);

4) общеевропейский / глобальный уровень: отношения на уровне международных организаций: ОБСЕ и ООН, а также по глобальным вопросам (например, ядерное сдерживание).

Роль России в урегулировании Приднестровского конфликта

Сводные данные о ключевых, с точки зрения России, событиях Приднестровского конфликта, которые оказали значительное влияние на процесс урегулирования, а также последствия действий РФ для разных уровней безопасности (согласно теории РКБ) – от локального до общеевропейского/глобального, представлены в табл. 1. Локальный уровень охватывает отношения между Республикой Молдова (РМ) и Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР). Региональный уровень охватывает отношения России с этими республиками. Межрегиональный – отношения Евразийского регионального комплекса безопасности (ЕАЗ) и Евроатлантического регионального комплекса безопасности (ЕАТ). Наклонным шрифтом в каждом из ключевых событий / этапов выделяется один уровень, где последствия оказали наибольшее влияние на процесс урегулирования.

Анализ данных таблицы показывает, что Россия в ходе урегулирования Приднестровского конфликта играла разные роли – от активного миротворчества и шагов по демилитаризации региона, а также для улучшения своих отношений с Западом (в основном в 1990-е – начале 2000-х гг.) до оборонительной позиции, которая выражалась в нежелании вести переговоры с молдавскими властями.

Основные последствия действий России сначала проявлялись на региональном уровне, а затем все больше затрагивали межрегиональный и общеевропейский уровни. Стратегическое значение Приднестровья обозначилось еще в середине 1990-х гг. в связи с расширением НАТО и привело Россию к необходимости ограничить свою линию на разоружение и начать рассматривать Приднестровье как средство достижения равновесия с евроатлантическими институтами. Тем не менее, стрем-

ление к налаживанию отношений с Западом на рубеже 1990-2000-х гг. заставило РФ продолжить вывоз вооружений и вести переговоры по урегулированию в многостороннем формате. Провал российского проекта решения конфликта изменил политику России, и она стала оборонительной. РФ перестала выступать с новыми предложениями и заняла позицию в поддержку Приднестровской Республики и против Кишинева. Этот раскол еще больше усилился с расширением влияния ЕС в регионе и развитием программ евроинтеграции с Молдовой. В 2000-е гг. Приднестровье стало рассматриваться как геополитический форпост России в Европе, противостоящий расширению евроатлантических институтов и одновременно как средство, которое может помочь улучшить отношения между двумя комплексами безопасности (см. пример Мезебергского меморандума). В 2010-е гг., особенно в контексте украинского кризиса, значение Приднестровья в качестве противовеса экспансии ЕС и НАТО и средства поддержания баланса на межрегиональном уровне для России еще более возросло. Таким образом, действия России на протяжении переговорного процесса менялись.

Роль России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта

Сводные данные о ключевых с точки зрения России событиях Нагорно-Карабахского конфликта и последствия действий РФ для разных уровней безопасности (согласно теории РКБ) представлены в табл. 2. Локальный уровень охватывает отношения между Арменией, Азербайджаном и Нагорно-Карабахской Республикой (НКР). Региональный уровень охватывает отношения России с Арменией и Азербайджаном. Межрегиональный – отношения Евразийского регионального комплекса безопасности (ЕАЗ) и Евроатлантического регионального комплекса безопасности (ЕАТ). Наклонным шрифтом в каждом из ключевых событий / этапов выделяется один уровень, где последствия оказали наибольшее влияние на процесс урегулирования.

Анализ данных таблицы показывает, что РФ была изначально заинтересована в интернационализации урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, поэтому приложила усилия к тому, чтобы занять нейтральную позицию и перевести его на общеевропейский уровень, таким образом поддерживая равновесие в зоне конфликта, которая оставалась сложной даже после заключения перемирия. Длительное время после установления перемирия основные действия России были сосредоточены на многостороннем взаимодействии в рамках Минской группы ОБСЕ (середина 1990-х – середина 2000-х

гг.). Только события на Кавказе в 2008 г., которые спровоцировали противостояние России и Грузии, привели к изменению российской политики. Акцент сместился на поддержку военно-политического баланса путем переговоров в трехстороннем формате и продажи вооружений обеим сторонам конфликта. Нарастающая с начала 2010-х гг. эскалация конфликта привела к дестабилизации ситуации, особенно с 2014 г., и для того, чтобы ее уравновесить, России потребовалось активизировать как трехстороннее (с Арменией и Азербайджаном на региональном уровне), так и многостороннее посредничество в формате Минской группы (на общеевропейском уровне). Поскольку фактор конфронтации Евразийского и Евроатлантического комплекса безопасности в регионе не оказывал существенного влияния на процесс карабахского урегулирования (возможно, за исключением 2008-09 гг.), то на протяжении переговоров Россия шла на многостороннее сотрудничество, понимая, что только совместными усилиями можно остановить возобновление вооруженных действий. При этом, в отличие от Приднестровского конфликта, где роль России менялась,

в Нагорно-Карабахском урегулировании Россия главным образом действовала как активный посредник, иногда отдавая предпочтение трехстороннему формату перед многосторонним.

Таким образом, анализ показывает, что каждый «затяжной конфликт» для России представляет особый случай, отношение к которому складывается на основе исторического опыта, характера отношений с конфликтующими сторонами и текущей геополитической ситуации. При этом целесообразно предполагать, что и в дальнейшем Россия не будет вести себя как беспристрастный наблюдатель. Действия РФ во многом зависят и от состояния отношений с евроатлантическим комплексом безопасности, которое со временем стало играть определяющую роль в политике урегулирования (особенно в случае с Приднестровьем). Вместе с тем, несмотря на многообразие ролей, есть постоянная задача, главным образом определяющая поведение России в урегулировании. Это задача – поддержание геополитического баланса на региональном, межрегиональном и общеевропейском уровнях.

Таблица 1

Роль России в урегулировании Приднестровского конфликта

Ключевое событие, период	Роль России	Уровень			
		Локальный	Региональный	Межрегиональный	Обще-европейский/глобальный
1	2	3	4	5	6
<i>Вооруженная фаза конфликта и его прекращение (1992)</i>	Военное вмешательство 14-й армии РФ, остановка боевых действий, заключение соглашения о прекращении огня (1992), учреждение миротворческой миссии в составе сторон конфликта, РФ и наблюдателей от ОБСЕ. Основная характеристика роли РФ: миротворчество (одностороннее) через принуждение к миру	<i>Развод конфликтующих сторон, установление перемирия, создание условий для сохранения независимости ПМР</i>	Военное присутствие РФ в Приднестровье, закрепление статуса РФ как основного миротворца и посредника	Отсутствие конкуренции между комплексами по урегулированию конфликта	Включение ОБСЕ в процесс урегулирования как посредника, учреждение миссии ОБСЕ в Молдавии (1993)
<i>Согласование процедуры вывода войск РФ из ПМР (1992-1995)</i>	Переговоры по соглашению между РФ и РМ о выводе войск РФ из Приднестровья, отказ ГД РФ от ратификации соглашения (1995), преобразование 14-й армии в Оперативную группу российских войск в Приднестровье и сокращение личного состава войск РФ. Основная характеристика роли РФ: миротворчество через ограниченное разоружение	Попытки ПМР помешать заключению соглашения и выводу войск, включение в соглашение положения о синхронизации вывода войск РФ из ПМР с политическим урегулированием конфликта, демилитаризация региона.	<i>Сохранение военного присутствия РФ в ПМР (при сокращении численности), укрепление отношений РФ и ПМР</i>	Начало процесса расширения ЕАТ на Восток, охранения военного присутствия РФ в противовес расширению НАТО на Восток (с конца 1994), рост значения ПМР как форпоста российских стратегических интересов в Европе	Координирующая роль ОБСЕ по подготовке проекта соглашения между сторонами конфликта.

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
<i>Заключение Меморандума 1997</i>	Переговоры и подписание «Меморандума об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем», лидирующая роль РФ как автора компромиссного варианта документа (Е.М. Примаков), основная характеристика роли – активное посредничество	<i>Достижение равного статуса РМ и ПМР в переговорном процессе</i>	Улучшение отношений РФ с РМ и ПМР	Невмешательство ЕАТ в переговорный процесс и процесс по заключению Меморандума	Поддержка переговорного процесса по заключению Меморандума со стороны ОБСЕ.
<i>Приостановка вывода войск РФ в соответствии с международными обязательствами (1997-2003)</i>	Вывод войск и вооружений из ПМР. Основная характеристика роли – миротворчество через разоружение и посредничество	Препятствие ПМР выводу войск РФ, продолжение демилитаризации региона (вывод более половины вооружений)	Улучшение отношений РФ с РМ, сложные отношения с ПМР в связи с выводом войск	Улучшение отношений РФ с ЕАТ комплексом, особенно с ЕС	<i>Стамбульские обязательства РФ по выводу войск и вооружений (саммит ОБСЕ 1999), содействие выводу войск со стороны ОБСЕ, участие РФ в первом всеобъемлющем проекте урегулирования в рамках ОБСЕ («Проект ОБСЕ») (2002)</i>
Российский проект урегулирования («Меморандум Козака») (2003) и последствия его провала (2003-2005)	Процесс переговоров (трехсторонний РФ-РМ-ПМР) о принятии проекта окончательного урегулирования и отказ президента РМ от его подписания. Основная характеристика роли – посредничество (в трехстороннем формате), затем позиция обороны	Осложнение переговорного процесса	Ухудшение отношений РФ-РМ (потеря доверия РФ к руководству РМ)	<i>Прекращение участия РФ в урегулировании, осложнение отношений ЕАТ и ЕАЗ в связи с провалом российского проекта (косвенное вмешательство ЕАТ-институтов) и расширением ЕС и НАТО (2004)</i>	Выход приднестровской проблемы на уровень Совета министров ОБСЕ (конфликт в Приднестровье – главная причина провала декларации Совета министров (2003)).
<i>Реакция РФ на рост вовлечения ЕАТ комплекса в приднестровское урегулирование (2005-2009)</i>	Дипломатическая, финансовая, социальная поддержка ПМР со стороны РФ для преодоления блокады ПМР. Основная характеристика роли: оборона через поддержку ПМР	Остановка переговорного процесса (с 2006), торговая блокада ПМР (2006), ухудшение отношений РМ-ПМР	<i>Расширение программ поддержки ПМР со стороны РФ (льготный газ, субсидии, паспортизация)</i>	Начало конфронтации между ЕАТ и ЕАЗ, включение ЕС в состав официального переговорного процесса, учреждение пограничной миссии ЕС по контролю над границей (EUBAM) при поддержке прозападно ориентированных властей РМ и Украины, старт программы Восточное партнерство ЕС (2009), рост значения ПМР как геополитического форпоста для РФ	Приднестровский конфликт как фактор конфронтации в работе ОБСЕ, отсутствие согласованных позиций.

1	2	3	4	5	6
<i>Дискуссия по ПРО РФ-США (2009)</i>	Идея разместить элементы ПРО РФ в ПМР в ответ на развертывание элементов ПРО США в Европе. Основная характеристика роли – оборона через поддержку ПМР	Предложение руководства ПМР разместить российские ракеты	Улучшение отношений РФ-ПМР	ПМР как средство для поддержания баланса между ЕАТ и ЕАЗ комплексами	<i>ПМР как элемент глобального ядерного баланса со стороны РФ</i>
<i>Мезебергский меморандум и возобновление переговоров (2010-13)</i>	Российская-немецкая инициатива по созданию комитета по безопасности РФ-ЕС (), позднее увязана с необходимостью первичного урегулирования Приднестровского конфликта. Основная характеристика роли: посредничество с учетом межрегионального контекста	Выборы президента ПМР, победа независимого кандидата Е. Шевчука (2011), возобновление официальных переговоров РМ-ПМР (2011)	Восстановление отношений РФ с РМ, приостановка (2011) и возобновление (2012) объемных программ финансовой помощи ПМР со стороны России	<i>Приднестровье как средство баланса безопасности между РБК. Возобновление официальных переговоров с участием РФ и ЕС</i>	Дискуссия о повышении эффективности ОБСЕ и системы европейской безопасности, в частности в отношении «затяжных» конфликтов
<i>Стагнация переговоров на фоне украинского кризиса и ускорение интеграции Молдавии с ЕС (2013 – н.в.)</i>	Поддержка РФ и трудности в финансировании. Основная характеристика роли: оборона через ограниченную поддержку ПМР с учетом регионального контекста	Остановка переговорного процесса (2014), попытки системной изоляции ПМР (РМ и Украина), рост военной напряженности, военная блокада ПМР (запрет транзита военных грузов через Украину), подписание договоров об ассоциации, углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли и безвизовому режиму между РМ и ЕС, присоединение ПМР к режиму договора о УВЗСТ с ЕС	Рост значения ПМР как региона, противостоящего разрыву сложившихся связей Молдавии с Россией, как части «русского мира», нехватка финансовых ресурсов для поддержки ПМР	<i>Острая конфронтация между ЕАТ и ЕАЗ комплексами на фоне Украинского кризиса. Перенос внимания на Украинский конфликт</i>	Отсутствие прогресса в работе ОБСЕ по урегулированию

Таблица 2

Роль России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта

Ключевое событие, период	Роль России	Последствия для уровней			
		Локальный	Региональный	Межрегиональный	Общеввропейский/глобальный
1	2	3	4	5	6
<i>Вооруженная фаза конфликта и его прекращение (1991-94)</i>	Посреднические усилия для остановки боевых действий, соглашение о прекращении огня (1994), идея о развертывании миротворческой миссии РФ. Характеристика роли РФ: посредничество (одностороннее, затем многостороннее)	Развод сторон конфликта, установление «линии соприкосновения», сохранение более 13% территории Азербайджана под контролем сил НКР, создание условий для сохранения независимости НКР	Стремление к нейтральной позиции в посредничестве по отношению к обеим сторонам конфликта, закрепление статуса РФ как основного посредника в переговорах	Отсутствие конкуренции между комплексами	<i>Старт Минской конференции, формирование «Минской группы» (МГ) посредников как основного переговорного формата, идея о развертывании миротворческой миссии под эгидой ОБСЕ</i>

1	2	3	4	5	6
<i>Формирование постоянного состава «Минской группы» и поиск вариантов урегулирования в этом формате (1994-2007)</i>	Активная посредническая работа в составе «тройки» МГ. Роль РФ: посредничество (в многостороннем формате)	Встречи руководства сторон конфликта при посредничестве МГ, регулярные встречи министров иностранных дел (отдельно от Минской группы, 2004-2006), относительная стабильность, единичные инциденты вдоль контактной линии	Укрепление военно-политических связей с Арменией (вступление в обновленную ОДКБ) и экономических связей с Азербайджаном	Отсутствие противоречий между комплексами и единство тройки посредников из состава обоих комплексов (Россия – ЕАЗ, Франция и США – ЕАТ)	<i>Совместная работа «тройки» сопредседателей МГ над проектами урегулирования («пакетный», «поэтапный» подходы), согласование мадридских принципов (2007) как новой основы для урегулирования</i>
<i>События на Кавказе 2008 г. и его последствия (2008-2012)</i>	Провозглашение независимости Южной Осетии и Абхазии. Роль РФ: активное посредничество (в трехстороннем формате)	Обострение обстановки (2008), спад напряженности (2009-2011), обострение (2011), обретение независимости Южной Осетии и Абхазии как модель для сдерживания военной активности	<i>Попытки сближения Армении и Турции, усиление дипломатической активности РФ в отношении Армении и Азербайджана (серия трехсторонних встреч глав государств)</i>	Сближение Армении и Азербайджана с ЕАТ, ухудшение отношений между ЕАЗ и ЕАТ из-за конфликтов 2008 и угрозы реформирования региона (показатель, что РФ воспринимает сближение стран региона с ЕАТ (в данном случае – Грузии) как угрозу своей безопасности)	Активизация дипломатических усилий МГ (с 2011) – давление на стороны конфликта, чтобы прекратить стычки и провести расследование
Усиление региональной гонки вооружений (2012-2014)	Продажа оружия обеим сторонам конфликта Роль РФ: посредничество	Увеличение числа военных инцидентов вдоль линии соприкосновения, активные закупки оружия у РФ Арменией и Азербайджаном	<i>Поддержание военного баланса между Арменией и Азербайджаном, присоединение Армении к Евразийскому эконом. Союзу (2014), продление договора о пребывании военной базы РФ в Армении</i>	Отдаление Армении и Азербайджана от проектов интеграции с евроатлантическими институтами	Стагнация переговоров на уровне Минской группы
<i>Новая эскалация конфликта (2014-н.в.)</i>	Посреднические усилия по снижению напряженности между сторонами. Роль РФ: активное посредничество	Рост напряженности в отношениях между сторонами конфликта и военных инцидентов на линии соприкосновения (2014 и 2016 гг.)	<i>Снижение напряженности после вспышек насилия, благодаря дипломатическим усилиям России и МГ</i>	Отсутствие конкуренции между ЕАТ и ЕАЗ комплексами в регионе, фокус на конфронтации вокруг Украины	Возобновление активности Минской группы.

Литература

1. Crocker A.C., Hampson F.O., Aall P. *Why Mediation Matters: Ending Intractable Conflicts*. International Studies Association Annual Meeting. International Studies Association, 2007. P. 1 URL: <https://staffipss.files.wordpress.com/2012/07/why-mediation-matters-ending-intractable-conflicts.pdf>.

2. Ciobanu C. *Frozen and Forgotten Conflicts in the Post-Soviet States: Genesis, Political Economy and Prospects for Solution*. Richmond, 2008. P. 5.
- King Ch. *The benefits of ethnic war: Understanding Eurasia's unrecognized states* // *World Politics*. 2001. 53(4). Pp. 524-552.
3. Девятков А. *Замороженные конфликты как предмет диалога о европейской безопасности* // *Индекс безопасности*. 2009. № 4 (95). Том 16. С. 177.
4. Kuzmicheva L. *Unresolved conflicts in the common neighbourhood: a comparative analysis of EU and Russian policies*. SPES Policy Papers. January 2011. P. 16.
5. Nuriyev E. *EU Policy in the South Caucasus. A View from Azerbaijan*. CEPS Working Document 272. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2007. P. 10.
6. Wolff S. *A resolvable frozen conflict? Designing a Settlement for Transnistria* // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2011. Vol. 39. No. 6. Pp. 865-870.
7. Растольцев С.В. *Затяжные конфликты на постсоветском пространстве: энергетический аспект* // *Энергетика и инновации на перекрестках мировой политики (Мировое развитие. Вып. 13)* / Отв. ред. Н.В. Тоганова, К.Р. Вода, Е.А. Сидорова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 113.
8. Tudoroiu T. *The European Union, Russia, and the Future of the Transnistrian Frozen Conflict* // *East European Politics and Societies*. Volume 26. Number 1. February 2012. Pp. 136-138.
9. Цуканова О.В. *Роль России в процессе урегулирования молдово-приднестровского конфликта* // *Пробелы в российском законодательстве*. № 4. 2010. С. 294-297.
10. Растольцев С.В. *Урегулирование Приднестровского конфликта: диалог России и ЕС* // *Европейский союз в формирующемся миропорядке (Мировое развитие. Вып. 12)* / Отв. ред. Ю.Д. Квашинин, Н.В. Тоганова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 61-70.
11. Давлетчина С.Б. *Словарь по конфликтологии Улан-Удэ: ВСГУТУ*, 2005.
12. Анцупов А.Я., Шитлов А.И. *Словарь конфликтолога*. СПб.: Питер, 2006.
13. Azar E. *The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases*. Aldershot: Dartmouth, 1990. Pp. 10-12.
14. Burton J. W. *Conflict Resolution as a Political Philosophy* // *Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application* / D. J. D. Sandole & H.v.d. Merwe (Eds.). Manchester and New York: Manchester University Press, 1993. Pp. 55-64.
15. Siddi M., Gaweda B. *Bystander In Its Neighbourhood? The European Union's involvement in protracted conflicts in the post-Soviet space*. IEP Policy Papers on Eastern Europe and Central Asia. Berlin: Institut für Europäische Politik, 1/2012. 24 p.
16. Буянов В.С. *Геополитика современной России: некоторые аспекты* // *Мир и политика*. 10 сентября 2011.
17. Мухаметов Р.С. *Национальные интересы России в постсоветском пространстве* // *Политическая экспертиза*. 2009. № 3. С. 134-144.
18. Lynch D. *Post-Soviet Frozen Conflicts and Quasi-States* // *Balkanist*. November 6, 2014.
19. Socor V. *The Frozen Conflicts: A Challenge to Euro-Atlantic Interests (Report prepared by the German Marshall Fund of the United States, on the occasion of the NaTO Summit 2004, 2004)*. P. 2.
20. Bershidsky L. *The Soviet Union Is Falling Apart Again* // *Bloomberg L.P.* April 5, 2016.
21. Von Randow G. *Moskau sammelt eingefrorene Konflikte* // *Die Zeit Online*. 27. August 2014.
22. King Ch. *Post-Soviet Moldova: A Borderland in Transition*. London: Russian and CIS Programme, Royal Inst. of International Affairs, 1995. 118 p.
23. Большаков А. Г. *"Замороженные конфликты" постсоветского пространства: туники международного миротворчества* // *Полития*. 2008. № 1 (48). С. 37.
24. Киракосян Н.А. *Роль России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта* // *Пробелы в российском законодательстве*. 2014. № 3. С. 221.
25. Цуканова О.В. *Роль России в процессе урегулирования молдово-приднестровского конфликта* // *Пробелы в российском законодательстве*. 2010. № 4. С. 297.
26. Buzan B., Waeber O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, 2003. P. 4.

Материал поступил в редакцию 24. 08. 2016 г.